

ДЖЕННИФЕР АРМЕНТРОУТ

Не оглядывайся

ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44
А83

Jennifer Armentrout
DON'T LOOK BACK

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
Taryn Fagerness Agency and Synopsis Literary Agency

Оформление обложки *Екатерины Фerez*

Арментроут, Дженнифер.
А83 Не оглядывайся / Дженнифер Арментроут ; [пер.
с англ. Ю. Вейсберга]. — Москва : Издательство АСТ,
2017. — 416 с. — (#Jennifer).

ISBN 978-5-17-100718-8

До той самой ночи у Саманты было все: популярность, красавчик-бойфренд — объект зависти одноклассниц и самая близкая подруга. Было все до той самой ночи, когда Саманта и ее ближайшая подруга Касси пропали.

Через четыре дня Саманту обнаруживает полиция — в синяках, в крови, но живой. Однако воспоминания девушки за последние пять лет ее жизни оказываются полностью стерты. А спустя еще какое-то время находят и Касси. Убитой.

«Новая» Саманта отчаянно старается вернуть память, чтобы разгадать тайну последнего дня, который был полон трагических событий. Но каких?.. И может быть, стоит воспользоваться таким редким шансом начать жизнь с чистого листа?

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-17-100718-8

© Jennifer L. Armentrout, 2014
© Ю. Вейсберг, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017

*Посвящается всем
читателям и всем блогерам,
пишущим постоянно
или время от времени,
начинающим и опытным*

ГЛАВА 1

Название улицы, которое я прочитала на дорожном указателе, было мне незнакомо. Да и вообще ничто на этой сельской дороге не выглядело знакомым или привычным. Огромные ветвистые деревья и буйно разросшиеся сорняки плотно заслонили фасад этого ветхого дома. Окна были забиты досками. На месте входной двери зияла огромная дыра. Я вздрогнула. И мне так захотелось оказаться как можно дальше отсюда, неважно даже где.

Идти вдруг стало трудно. Спотыкаясь на холодном асфальте, я морщилась, чувствуя, как острые куски гравия врезаются мне в ноги.

В мои босые ноги?

Я остановилась и посмотрела вниз. Сквозь слой дорожной пыли... и крови виднелся розовый лак. Джинсы задубели от грязи. Теперь ясно почему — на мне же нет обуви, но кровь... Непонятно, откуда она взялась на моих коленях.

Мне казалось, что все вокруг заволочло туманом, а мои глаза как будто закрыты какой-то серой пленкой. Глядя на выщербленный асфальт под ногами, я заметила, что вместо маленьких камней появились большие и гладкие валуны. Что-то темное и маслянистое сочилось сверху со скал, стекая по трещинам вниз.

Сделав резкий вдох, я моргнула — и видение исчезло.

Я подняла дрожащие руки. Они были в грязи и покрыты царапинами. Из-под сломанных ногтей проступала кровь. На большом пальце тускло мерцало облепленное землей серебряное колечко. Пока я медленно изучала свои руки, в груди у меня холодело. Разорванные рукава моего свитера открывали глазам бледную кожу, покрытую от кистей и до плеч синяками и порезами. Не совладав с дрожью в ногах, я качнулась вперед; напряглась, пытаюсь вспомнить, как все это случилось, но в голове была сплошная пустота — черная пустота, где ничего не существует.

Какая-то проезжавшая мимо машина остановилась в нескольких метрах от меня. Порывшись в дальних уголках своего подсознания, я вспомнила, что красные и синие проблесковые маячки обозначают полицию. По черно-серому борту полицейского патрульного автомобиля виляла изящная надпись УПРАВЛЕНИЕ ШЕРИФА ОКРУГА АДАМС.

Округ Адамс? Эти слова, похоже, пробудили какое-то знакомое чувство, но оно исчезло так же внезапно, как и появилось.

Водительская дверь открылась, из машины вышел помощник шерифа. Он сообщил что-то по рации, закрепленной на его плече, а потом взглянул на меня.

— Мисс? — Обойдя машину, полицейский осторожно двинулся ко мне.

Для помощника шерифа он выглядел слишком молодым. Мне было непонятно, как вчерашнему школьнику могли доверить оружие. А сама-то я еще училась в школе? Этого я не знала.

— В наше управление поступило несколько звонков, касающихся вас, — мягким тоном произнес он. — С вами все нормально?

Я попыталась ответить, но из горла вырвался лишь глухой хрип. Откашлявшись, я вздрогнула, почувствовав боль в гортани, и с усилием произнесла:

— Я... я не знаю.

— Ну хорошо. — Помощник шерифа направился ко мне, подняв вверх руки, согнутые в локтях, словно я была добычей. — Я помощник шерифа Роуд. Я здесь для того, чтобы помочь тебе. А ты вообще знаешь, что здесь делаешь?

— Нет.

Я вдруг почувствовала такую резь в желудке, будто кто-то завязывал его в узел. А я даже не понимала, что этот парень имел в виду, говоря здесь.

Его улыбающееся лицо стало чуть более напряженным.

— А как вас зовут?

Как меня зовут? Все знают, как меня зовут, но я, глядя на помощника шерифа, не могла ответить на этот вопрос. Узел в желудке затягивался еще туже.

— Я не знаю... я не знаю, как меня зовут.

Парень заморгал, и улыбка окончательно сошла с его лица.

— А вы вообще что-нибудь помните?

Я снова напряглась, пытаясь хоть что-нибудь вспомнить. Но ничего не получалось, и от этого меня охватил еще больший ужас. Глаза зачесались так, что мне захотелось их вырвать.

— Мисс, все в порядке. Мы о вас позаботимся. — Роуд, протянув руку, слегка коснулся моей ладони. — Мы во всем разберемся.

Он подвел меня к задней дверце патрульного внедорожника. Я не хотела находиться за плексигласовым экраном — сюда обычно сажают тех, кто

совершил что-то недостойное. Мне это было известно. Я хотела возразить, но не успела произнести и слова, как Роуд устроил меня на сиденье и, набросив на мои плечи колючее одеяло, закутал в него.

Прежде чем запереть меня за этим отвратительным экраном, помощник шерифа присел на корточки перед открытой дверью и с ободряющей улыбкой произнес:

— Все будет хорошо.

Но я-то знала, что, пытаясь подбодрить меня, он врет. Однако его уловка не сработала. Ну как все может быть хорошо, если я даже не знаю, как меня зовут?

Как меня зовут, я не знала, зато знала, что ненавижу больницы. Их холодные стерильные стены пахли дезинфекцией и отчаянием. Помощник шерифа Роуд передал меня врачам и уехал сразу, как только они начали осмотр: проверили мои зрачки, сделали рентген, взяли кровь на анализ. Медсестра наложила повязку мне на голову и обработала многочисленные раны. Меня поместили в отдельную палату, поставили капельницу с «жидкостью, которая поможет мне улучшить самочувствие», и оставили одну.

Неожиданно появилась медсестра с тележкой, на которой было разложено множество инструментов зловещего вида и стоял фотоаппарат. А для чего здесь нужна камера?

Она молча сложила в мешок мою одежду, выдав мне взамен больничную сорочку из грубой ткани, в которую я должна была переодеться. Глядя на меня, она улыбнулась так же, как до этого улыбался помощник шерифа. Ее улыбка была фальшивой, но хорошо отработанной.

Такие улыбки были мне знакомы и вызывали лишь отвращение. От них я начинала чесаться.

— Пока мы ждем результат рентгена, нам нужно взять у вас еще несколько анализов, милая. — Она мягким осторожным движением опустила мои плечи на жесткий матрас. — А кроме этого, нам надо сфотографировать ваши раны.

Глядя на белый потолок, я почувствовала, что мои легкие не в состоянии сделать полный вдох. А когда женщина словно пригвоздила меня к койке, дышать стало еще тяжелее. Это сильно озадачило и даже потрясло меня. *Такая неловкая поза.* У меня перехватило дыхание. Эта мысль не была связана с настоящим, но вот раньше... раньше чего?

— Расслабься, милая. — Медсестра отпустила меня и встала рядом с тележкой. — Полиция связывается с соседними округами, выясняя, поступали ли к ним заявления о пропавших людях. Они скоро найдут твою семью.

Она взяла что-то длинное и тонкое, блестящее под лучами яркого, но какого-то мертвенного света, а через две минуты у меня по щекам потекли слезы. Сестра была явно привычна к таким сценам — она сделала свое дело и, не сказав ни слова, вышла из палаты. Я свернулась в комок под тонким одеялом, притянув колени к груди. В таком положении и без единой мысли в голове я лежала до тех пор, пока не заснула.

Во сне я падала — это было бесконечно долгое падение в темноте; я падала снова и снова. Мне слышались крики — такие пронзительные, что волосы на теле вставали дыбом, — а после криков наступала тишина, и на ее фоне появлялся мягкий убаюкивающий звук, который меня успокаивал.

Проснувшись на следующее утро, я решила начать с малого. Так как же все-таки меня зовут?

У меня ведь должно быть имя, но я не представляла, как его вспомнить. Повернувшись на спину, я вскрикнула — из моей руки торчал внутривенный катетер капельницы. Передо мной стояла пластиковая чашка с водой. Я медленно села и потянулась к посудине. Она дрогнула в моей руке, и немного воды пролилось на одеяло.

Вода... но с ней было что-то не то. Темная маслянистая вода.

Открылась дверь, и вошла медсестра, а с ней врач, который накануне вечером осматривал меня. Он мне нравился. Улыбался он искренне, по-отечески.

— Вы помните, как меня зовут? — Я ответила не сразу, но его улыбка оставалась прежней. — Я доктор Уэстон и всего лишь хочу задать вам несколько вопросов.

Он задал мне те же самые вопросы, что и все остальные. Помню ли я свое имя? Знаю ли я, как попала на ту дорогу и что делала до того, как помощник шерифа нашел меня? Ответ на все его вопросы был один и тот же: нет.

Но когда доктор перешел к другим вопросам, на них у меня появились ответы.

— Вы когда-нибудь читали книгу «Убить пересмешника»?¹

Мои пересохшие губы треснули, когда я улыбнулась. Все проще простого!

— Конечно, это книга о расовой несправедливости и о разных проявлениях мужества.

Доктор Уэстон одобрительно кивнул.

— Отлично. А вы знаете, какой сейчас год?

¹ *To Kill a Mockingbird* (1960) — роман американской писательницы Харпер Ли, написанный в жанре воспитательного романа. В 1961 г. роман получил Пулитцеровскую премию.

Мои брови изогнулись и приподнялись.

— Сейчас две тысячи четырнадцатый.

— А какой сейчас месяц, вы знаете?

Я замолчала, и улыбка сползла с его лица.

— Сейчас март. — Я облизала языком сухие губы и почувствовала, что начинаю нервничать. — Но не знаю, какое сегодня число и какой день.

— Сегодня двенадцатое марта, среда. А какой последний день вы помните?

Я заерзала на краешке кровати и ответила, но мой ответ прозвучал полувопросительно:

— Вторник?

Губы доктора Уэстона снова изогнулись в улыбке.

— Вы пропали гораздо раньше. Когда вас доставили сюда, ваш организм был сильно обезвожен. Давайте попробуем еще раз?

Я могла бы попробовать, но какой от этого прок?

— Не знаю, — ответила я.

Он задал мне еще несколько вопросов, но тут санитарка принесла еду, и я почувствовала, что ненавижу картофельное пюре. Таща за собой, как багажную тележку, штатив с капельницей, я стала пристально всматриваться в незнакомое лицо в зеркале ванной комнаты.

Этого лица я никогда прежде не видела.

Но это было мое лицо. Я наклонилась вперед, рассматривая свое отражение. Длинные, все в колтунах, медного цвета волосы. Слегка заостренный подбородок. Высокие скулы. А цвет глаз располагался в цветовом спектре где-то между коричневым и зеленым. Нос был маленьким — это открытие меня обрадовало, и я предположила, что могла бы сойти за хорошенькую, не будь этого пурпурного кровоподтека, протянувшегося через весь лоб и почти

полностью закрывавшего мой правый глаз. Кожа на подбородке была содрана, и на этом месте красовалось огромное малиновое пятно.

Я попятилась от раковины, волоча за собой в свою крохотную палату надоевший штатив с капельницей. Из коридора слышались голоса, и я задержалась у двери.

— Вы хотите сказать, что она вообще ничего не помнит? — спросил высокий женский голос.

— У нее сложное сотрясение мозга, которое повлияло на ее память, — терпеливо и спокойно объяснял доктор Уэстон. — Потеря памяти, как я полагаю, является временной, но...

— Что «но», доктор? — прозвучал мужской голос.

Теперь разговор зазвучал словно из телевизора за закрытой дверью: звук его вы слышите, а изображения не видите.

«Мне действительно жаль, что вы тратите так много времени на эту девочку. От нее можно ждать только неприятностей, и мне не нравится, что вы уделяете ей столько внимания».

Это был его голос — голос человека за дверью, однако я не могла вспомнить, кто это, и никаких связанных с этим голосом ассоциаций.

— Потеря памяти *может* быть постоянной. Такие случаи трудно предсказать. В данный момент мы просто не знаем. — Доктор Уэстон откашлялся. — Хорошая новость — это то, что остальные ее травмы являются поверхностными. И, как показало дополнительное обследование, насилью она не подвергалась.

— О боже! — вскричала женщина. — Насилью? Подобно...

— Джоанна, доктор же сказал, что в этом плане с ней все в порядке. Ты должна успокоиться.

— Как я могу быть спокойна, Стивен, — оборвала она мужчину. — Ее искали четыре дня.

— Парни из нашего округа нашли ее рядом с государственным лесным заповедником «Майко», — сообщил доктор Уэстон и, немного помолчав, спросил: — Вы не знаете, почему она там оказалась?

— У нас там летний дом, но с сентября он закрыт. И мы это проверили. Верно, Стивен?

— Но сейчас с ней все в порядке, верно? — не отступался тот самый мужской голос. — Проблема только с ее памятью?

— Да, но это не просто случай амнезии, — ответил доктор.

Я попятилась от двери и залезла на кровать. Мое сердце снова гулко стучало. Кто эти люди и почему они здесь? Я натянула одеяло на плечи и принялась анализировать обрывки фраз и отдельные слова из сказанного доктором. Что-то о травмах, причиненных серьезным шоком, в сочетании с обезвоживанием организма и сотрясением мозга, — с медицинской точки зрения это настоящая буря, по причине которой мой мозг утратил связь с идентификацией моей личности. Слишком все это сложно.

— Я не понимаю, — донесся до меня голос женщины.

— Ну вот представьте: вы написали что-то на своем компьютере, сохранили этот файл, но не запомнили, где именно, — объяснял доктор. — Этот файл все еще в компьютере, и вам просто надо его найти. Девочка не утратила свои личные воспоминания. Они у нее в голове, но она не может добраться до них. И может вообще никогда их не найти.

Встревоженная, я откинулась на подушку. Куда же я поместила этот файл?

Вдруг дверь распахнулась, и я испугалась при виде женщины — этой силы, с которой нельзя не считаться, — ворвавшейся в мою палату. Ее волосы глубокого красновато-коричневого цвета были собраны в элегантный узел; такая прическа полностью открывала ее худое, но красивое лицо.

Сделав несколько шагов, она остановилась и уставилась на меня пронзительным взглядом.

— О, Саманта...

Я вздрогнула. *Саманта?* Это имя ничего мне не говорило. Я повернулась к доктору. Он ободряюще кивнул. *Са-ман-та...* Нет, по-прежнему никаких ассоциаций...

Женщина подошла ближе. Ее льняные брюки и белая блузка были идеально выглажены. Золотые браслеты звенели на тонких запястьях; она протянула руки, собираясь обнять меня. От нее пахло фрезией.

— Детка моя, — сказала она, глядя мои волосы и смотря мне в глаза. — Господи, как я счастлива, что с тобой все в порядке.

Я отстранилась от нее, вытянув руки по швам.

Повернув голову, женщина оглянулась. Этот незнакомый мужчина, который тоже находился в палате, был бледен и выглядел потрясенным. Его темные волосы были спутаны, а приятное лицо покрывала густая щетина. В отличие от женщины, он едва сдерживал свое отчаяние. Я смотрела на него, пока он не отвернулся, потирая дрожащей рукой щеку.

Доктор Уэстон подошел к кровати.

— Это Джоанна Франко, твоя мать. А это Стивен Франко, твой отец.

Какая-то неведомая тяжесть сдавила мне грудь.

— Так... меня зовут Саманта?

— Ну да, — ответила женщина. — Саманта Джо Франко.

Выходит, мое второе имя *Джо*? Серьезно? Мой взгляд метался между этими людьми. Я сделала глубокий вдох, но на выдох сил у меня уже не было.

Джоанна — моя мама, прикрыв рукой рот, смотрела на этого растрепанного мужчину, который, вероятно, был моим *отцом*. Потом ее взгляд остановился на мне.

— Ты действительно не узнаешь нас?

Я покачала головой.

— Нет. Я... Мне очень жаль.

В растерянности Джоанна попятилась от кровати, вопросительно глядя на доктора Уэстона.

— Как же она может не узнавать нас?

— Миссис Франко, не надо так спешить. — Повернувшись ко мне, он кивнул: — Ты держисься молодцом.

Но мне так не показалось.

Он снова повернулся к ним — моим родителям.

— Мы хотим еще день подержать ее в больнице под наблюдением. Все, что ей необходимо сейчас, так это хороший отдых и полный покой.

Я снова взглянула на мужчину. Он тоже смотрел на меня и выглядел при этом ошеломленным. Папа. Отец. И в то же время совершенно чужой мне человек.

— Вы действительно думаете, что она может утратить память навсегда? — спросил он, с силой потирая подбородок.

— Пока еще слишком рано делать какие-либо прогнозы, — ответил доктор Уэстон. — Но она молода и к тому же здорова, так что шансы у нее большие. — Он направился к выходу из палаты, но дойдя до двери, остановился. — Помните, ей нужен отдых и никаких волнений.